
ЧУЖАЯ
В ПРОШЛОМ
КСЕНИЯ ВОЛКОВА

Ксения Волкова

Чужая в прошлом. Том 1.

https://litres.ru/74734343
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня казнили в Техасе. А я очнулась в России 1768 года, в теле восемнадцатилетней графини Аграфены Верейской.

Муж годится мне в дедушки, родственники спят и видят, как захапать наследство, а крепостные почему-то боятся управляющего больше, чем своих господ.

И среди всего этого великолепия оказалась я, Ксения Волкова. Социопатка, привыкшая добиваться своего обманом, лестью и манипуляциями. В прошлой жизни я умела крутить куда более влиятельными людьми, так что провинциальные дворяне поначалу не показались мне серьёзными противниками.

Зря.

Этот век живёт по правилам, которых я не знаю. Местные умнее, чем хотелось бы, деньги заканчиваются очень быстро, а любое удачное решение может обернуться катастрофой.

Зато у меня дворянский титул, молодость и полное отсутствие угрызений совести.

Я собиралась получить здесь всё. Осталось выяснить, кто кого сожрёт первым.

«Чужая в прошлом» - первая книга альтернативного продолжения истории Ксении Волковой. Можно читать отдельно от дилогии «Чужая»

Содержание

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО 5
ГЛАВА 1. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК, ДЕТКА! 21
ГЛАВА 2. "ХОЗЯЙКА" ГНИЛОДВОРЬЯ 37
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Ксения Волкова
Чужая в прошлом. Том 1.

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Говорят, перед смертью перед глазами проносится вся жизнь. Враньё.

Во всяком случае, у меня нихрена нигде не пронеслось. Ни счастливого детства, которого у меня отродясь не водилось, ни первой любви, ни прочих сентиментальных соплей для не менее сентиментальных идиоток.

Я просто лежала на каталке и тупо изучала потолок. Возле одной из длинных люминесцентных ламп отчетливо темнело желтоватое сухое пятно, похожее на раздавленного таракана. Странно. За столько лет могли бы и валиком пройтись. Хотя чего это я? Здесь на качество сервиса жалобные книги не заполняют. А если кто и возмущается, то строго до начала процедуры. После уже некому.

Широкие кожаные ремни намертво стягивали запястья, щиколотки и грудную клетку. Не то чтобы больно, но неприятно до зубовного скрежета. Особенно поперек живота. Под ремнем противно и нестерпимо чесалось, а руки, как назло, были зафиксированы. Ну и ладно. Переживу. Ха-ха. Господи, Ксюха, ты даже на пороге морга умудряешься стебаться.

И ведь шутка — дерьмо, если начистоту.

Я повернула голову, сканируя пространство. Стены оказались бледно-зелеными, противного больнично-мятного оттенка. Такой цвет обожают маркетологи дешевой зубной пасты и дизайнеры районных стоматологий. Видимо, у нормисов считается, что он успокаивает нервы. Лично меня он бесил. В комплекте с мертвенным светом ламп и густым духом какой-то дрянной дезинфекции помещение смахивало на процедурный кабинет в поликлинике, где-нибудь в Пензе. Разве что прайс-лист на услуги здесь был специфический. С гарантией в один конец.

Хантсвилл, штат Техас. Финальный адрес моего пребывания на территории Соединенных Штатов Америки.

До этого был женский корпус другой тюрьмы: одиночка, бесконечные переклички, одинаково одутловатые рожи надзирательниц и серые дни, слипшиеся в одну бесформенную массу. Я просидела там столько, что перестала различать времена года. На прогулках небо выдавали строго дозированно — квадратом два на два сквозь стальную сетку. Солнце, дождь, ветер — какая к черту разница? Завтра все равно проснешься в той же бетонной коробке.

А сегодня меня привезли сюда. В одну сторону, так сказать. Обратных билетов это заведение не продавало в принципе.

Справа от каталки копошился мужик в медицинской форме. Лет сорока с копейками, короткий ежик с проседью, на-

литая кровью шея и мерзкая привычка поджимать губы в ниточку. Я лениво наблюдала, как он расправляет прозрачную трубку капельницы, проверяет переходник, потом снова пялится на мою вену на сгибе локтя. Сосредоточенный. Ответственный. Ну хоть кто-то в этой богадельне добросовестно отрабатывает свою почасовую ставку.

Он осторожно повернул мое предплечье, выбирая место для катетера:

— Не двигайтесь, пожалуйста.

Я скосила глаза на широкий ремень, намертво державший запястье:

— Постараюсь. Хотя стопроцентных гарантий со своей стороны дать не могу. Вдруг передумаю и решу прогуляться?

Мужик даже бровью не повел. Ноль эмоций. Зануда стерильный.

Стальная игла с сухим хрустом вошла в вену, и я невольно поморщилась. Не от боли даже, а от неожиданности. За годы отсидки кровь у меня выкачивали в таких количествах, что организм должен был привыкнуть к железу под кожей. Ни хрена. Чужеродный металл по-прежнему вызывал чисто рефлекторное желание прописать тому, кто его держит, плотный хук в челюсть. Но в моем положении оставалось только мысленно послать его по матери. Техник заклеил катетер пластырем, деловито перешел ко второй руке, а я демонстративно отвернулась к стене.

Все происходило до тошноты буднично. За глухой две-

рью негромко переговаривались конвоиры, кто-то кашлянул в кулак, звякнуло железо. Под потолком монотонно и низко гудела климатическая система. Никакого пафоса, никакой тревожной симфонической музыки, как любят крутить в голливудских драмах. Собственно, с какого перепугу? У людей обычная рабочая смена в разгаре. Одни стучат по клавиатурам, вторые швабрами трут коридоры, третьи вот утилизируют русскую девчонку. Каждый зарабатывает на жизнь чем умеет. Правда, я в этом заведении оказалась единственной, кому зарплата уже не понадобится.

Мужик поправил капельницу и отошел в сторону. Я снова уставилась в потолок. Сколько народу до меня пялилось в это желтое пятно возле лампы? Сотни? И все, наверное, надеялись на чудо. Кто-то молился, кто-то рыдал, кто-то проклинал судей и присяжных.

А я думала о том, что безумно, зверски хочу пить. Не в символическом смысле «последнего стакана воды для грешной души». Банальная физиология: во рту пересохло так, словно я сожрала пригоршню горячего песка. Скотство как оно есть.

Еще утром я по инерции надеялась, что приговор отложат. Без иллюзий, конечно. За прошедшие годы я изучила американскую судебную машину куда глубже, чем когда-либо планировала. Сначала процесс, потом первая апелляция. Дальше ходатайства, отказы, новые слушания, временная заморозка, очередная бумажка, иллюзия контроля. В какой-то

момент начинает казаться, что этот юридический пинг-понг будет длиться вечно.

Ошибочка. Утром адвокат еще пытался вдохнуть в меня оптимизм. Вещал что-то про экстренное обращение к губернатору, открывшиеся обстоятельства и шанс на вмешательство окружного суда. Он вообще любил поговорить. Неглупый мужик, надо признать. Один из самых вменяемых, кого я встретила в Штатах. Только был у него неизлечимый дефект: он искренне, до поросячьего визга верил, будто правда в этом мире чего-то стоит сама по себе. Я от этой наивной дури излечилась давно.

Последнее ходатайство завернули. Вот и весь расклад. Можно было, конечно, закатить истерику, потребовать встречи с губернатором, упасть на колени, пустить сопли и слезы. Я умею. Если надо ради выживания, сыграю такую драму, что половина бродвейских режиссеров удавится от зависти. Только зачем? Здесь мои спектакли уже никого не интересовали. Особенно после того, как меня разложили на атомы судебные психиатры, перепроверили тестами, заглянули в каждую щель и вынесли окончательный вердикт: опасная особь с дефектом сборки.

Диссоциальное расстройство личности или, как принято говорить в США - Антисоциальное. Красивый термин, правда? Почти академический.

В суде прокурор перевел его для присяжных куда доходчивее: психопатка. Бессердечная. Не способная испытывать

жалость, вину или раскаяние. Ну да, по фактам не поспоришь. У меня в голове действительно нет этой настройки. Только какое, черт побери, отношение диагноз имел к составу преступления? Судя по тому, как дружно закивали двенадцать идиотов в зале, самое прямое.

Я до сих пор помню эксперта обвинения, сухонького дедка с седыми моржовыми усами. Он три часа распинался перед аудиторией, доказывая, что отсутствие совести делает меня биологически опасной для общества. Размахивал графиками, ковырялся в моем детстве, приплетал сгоревшую мать, сломанную эмпатию. А потом прокурор вывалил перед моим носом цветные глянцевые снимки с места бойни: искореженный металл, ошметки тел, море крови. И велел мне смотреть.

Ну посмотрела. Трупы. Кровь. Разорванная всмятку тачка. И что? Людей жалко, наверное. В том смысле, что нормальный человек из серой биомассы на моем месте должен был прижать ладони к щекам и заплакать. Но я ведь не нормальный человек. Вы же сами только что три часа доказывали это под присягой, кретины! Что от меня требовалось? Разрыдаться? Упасть на колени? Попросить прощения за то, чего я не делала?

Короче, мой номер провалился. Зато прокурор отработал свой гонорар блестяще.

Я даже с профессиональным уважением наблюдала, как ловко он натягивал факты на нужный скелет. Вот фотогра-

фии. Вот свидетельские показания. Вот трекинг моих перемещений. Вот свидетель, видевший меня в день бойни. А вот ещё несколько покойников, которых можно очень удобно свалить в ту же кучу. Идеальная работа. Особенно мне понравилось, как они привязали техасскую кашу к одной старой нью-йоркской истории.

Алекс Эшли. Услышав это имя в зале суда, я едва не заржала в голос. Старый сукин сын. Надо же, даже из могилы умудрился достать меня и перекрыть кислород.

На гигантский проектор вывели его парадный портрет: безупречный костюм, благородная седина, открытая улыбка филантропа. Уважаемый столп общества, лидер ВПК, благотворитель, человек, которому жали руки сенаторы и президенты. Ага. Знали бы эти кретины в зале, что этот «добрый дедушка» вытворял за закрытыми дверями. Впрочем, некоторые знали. Ещё как знали. И именно поэтому старательно держали рты на замке.

Но мертвые миллиардеры в этой стране обладают уникальной способностью мгновенно канонизироваться. Особенно если живые миллиардеры кровно заинтересованы в том, чтобы фасад оставался чистым. Меня чуть не вывернуло прямо на барьер от этой патоки. Хотя дело было не только в Алексе. Было кое-что еще, о чем мне совсем не хотелось вспоминать. Но оперативная память, зараза, разрешений не спрашивала.

Ночь. Визг тормозов по мокрому асфальту. Слепящий

удар фар дальнего света прямо в зрачки. Кто-то орал срывая связки — кажется, по-испански. Потом грохот выстрелов. Лобовое стекло осыпалось на колени колючим гравием, и я, вжав голову в плечи, пыталась выломать заклинившую дверь. Дальше картинка смазалась, распавшись на рваные куски, которые наотрез отказывались собираться в цельное видео.

Иногда мне до сих пор снится тот крик. Не от мук совести, нет. Совесть у меня отсутствует как орган. Просто процессор помнит все логи. Память у меня слишком хорошая. Есть вещи, которые хочется снести в корзину и очистить кэш, но они застревают в системных файлах намертво.

Я знала, что тогда погибли люди. Знала и другое: реальный расклад не имел ничего общего с той версией, которую скормили присяжным. Но кого волнует правда? Публике требовалось чудовище. Желательно молодое, симпатичное, иностранное, с уголовным шлейфом и полным отсутствием раскаяния. Ну так получите. Распишитесь.

Я прикрыла глаза, слушая, как за дверью щелкают замки. Шесть лет. Чертова уйма времени, спущенная в унитаз: адвокаты, заседания, ожидания в камере, бесконечный треп о том, заслуживаю ли я права дышать воздухом. Когда-то я была уверена, что выкручусь. Потом засомневалась. А сегодня утром мне сухо объяснили, что лабиринт закончился.

И что самое обидное? Меня переиграли. Не сломали в честном бою, не оказались умнее или быстрее. Просто сло-

жился расклад. У кого-то нашлись нужные рычаги, кто-то вовремя дал показания по методичке, кто-то благоразумно засунул язык в задницу. А я оказалась дурой. Самовлюбленной, наглой, жадной дурой, решившей, что может бесконечно дергать тигра за усы, оставаясь по другую сторону решетки.

Додергалась, Ксюшенька. Финал пьесы: лежишь на каталке, намертво пристегнутая кожаными ремнями.

Вдруг по телу полоснуло холодом. Странно. Кондиционер под потолком гудел с прежней монотонностью, температура в комнате не упала ни на градус, но по хребту пробежала противная мелкая дрожь. Так, это еще что за сбой системы?

Я прислушалась к организму. Сердце колотилось чаще обычного. Во рту пересохло. В животе образовался тугой, противный комок.

Страх? Да ладно! Я же годами вбивала себе в череп, что смерти не существует. Нет ее для меня. Как только отключится питание мозга, погаснет и проекция. Никакого ада с котлами, никакой чистилищной бюрократии, никаких бесед со святым Петром у ворот. Рубильник вниз и темнота. Чего бояться вакуума?

Но тупая биология плевать хотела на мои философские конструкции. Тело отчаянно хотело жить. Ему-то какое дело до моих циничных убеждений? Насос качает кровь, легкие гоняют воздух, клетки делятся. С какого перепугу эта машина должна добровольно выключиться прямо сейчас?

Я дернула пальцами, но кожаный ремень врезался в запястье. Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

На долю секунды накатила паническая волна: захотелось заорать во всю глотку. Потребовать, чтобы меня немедленно отстегнули, объяснить этим исполнителям в халатах, что произошла фатальная системная ошибка, что нельзя вот так просто, по графику, убить живого человека! Я даже приоткрыла пересохший рот, но вовремя щелкнул внутренний тормоз. Ага, Ксюша. Молодец. Столько лет судилась с нулевым КПД, а на каталке наконец нашла нужные аргументы? Поздновато включила красноречие.

Где-то сбоку щёлкнул замок, и я повернула голову. За толстым бронированным стеклом загорелся свет. Появились люди. Не толпа, а всего несколько человек в маленькой комнате для свидетелей. Входили молча, подходили к стеклу, впивались взглядами. Женщина за сорок с короткой темной стрижкой. Мужчина в строгих очках. Еще двое, лиц которых я толком не разобрала. Родственники погибших.

Интересно, сколько лет они вели обратный отсчет до этого вечера? Сколько раз представляли в деталях, как я буду извиваться, просить пощады, каяться на коленях?

Женщина смотрела на меня с такой неприкрытой, первобытной ненавистью, что будь ее воля, лично зашла бы сюда и придушила меня голыми руками. Я честно попыталась вспомнить по материалам дела, кем именно она приходилась одному из трупов, но файлы не подгрузились. Да и плевать.

Мужчина тронул ее за плечо, что-то шепнул, но она даже не моргнула. Стояла и буравила меня насквозь. Вот так мы и зафиксировали зрительный контакт: она стояла, я лежала. Позиция неравная, спору нет, но переигрывать поздно.

И тут мне до колик захотелось улыбнуться. Не потому, что было весело. Просто я кристально ясно понимала, как сильно эту суку перекосит от моей реакции.

И я улыбнулась. Едва заметно, одними уголками потрескавшихся губ. Женщина дернулась, резко отвернулась, а я поймала мимолётное удовлетворение. Да уж, Ксюха. Даже перед утилизацией ведешь себя как законченная тварь. Впрочем, ничего нового.

Во втором смотровом окне народу было еще меньше. Я скользнула взглядом по стеклу — ни одного знакомого лица. Родня? Смешно. У меня давно не осталось никого, кто приехал бы в этот техасский тупик добровольно.

За время отсидки мне мешками таскали письма, но писали исключительно незнакомые психи со всей страны: одни красочно расписывали, как я буду гореть в аду, вторые предлагали немедленно покаяться перед Иисусом, третьи признавались в вечной любви и просили прислать фоточку. Душевнобольных в Америке хватало с избытком. А вот настоящих друзей не нашлось. Ни одного.

Меня это никогда не удивляло. Я ведь сама никогда не пускала людей дальше порога. Люди для меня всегда были функционалом: либо полезный инструмент, либо времен-

ный источник ресурса. Но чтобы кто-то приперся просто так, ради меня? Зачем?

Правда, сейчас эта математика выглядела паршиво. Особенно когда смотришь в стекло и понимаешь: всем этим персонажам на тебя абсолютно насрать. Кроме тех, кто жаждет увидеть твою остановку сердца. Вот эти ребята явились строго по расписанию.

Мужчина в форме, которого я прежде не замечала, подошёл ближе. Похоже, начальник тюрьмы. Лицо спокойное, голос негромкий. Он зачитал протокол и произнес мое имя: Ксения Волкова.

За годы в Штатах они так и не научились выговаривать его нормально. Кто-то звал меня Зинией, кто-то давился слогами, словно пытался проглотить колючую рыбью кость. Раньше меня это дико бесило. Сейчас было плевать.

Начальник отчеканил положенные по инструкции формулировки и сообщил, что мне предоставляется право на последнее заявление.

Ага. Последнее слово. Наконец-то дошли до кульминации. Я скосила глаза на микрофон на гибкой штанге, висевший над головой. За стеклом замерли. Наверное, ждали чего-то возвышенного. Ну или хотя бы стандартного покаяния из вечерних ток-шоу: слез, признания вины, мольбы о прощении грешной души.

Я могла бы выкатить им целую лекцию. Рассказать, как попала в эту страну. Как меня вел Семён. Как крутил Алекс.

Как меня препарировали, продавали, подставляли и списывали в утиль. Могла бы назвать десяток фамилий из Сената и Пентагона. А толку? Мертвецов к делу не пришьешь. Живые открестятся за пять минут. Времени доказывать, кто из нас большая мразь, у меня не осталось. Да и лень было, если честно.

Я посмотрела прямо в глаза женщине за стеклом, повернула подбородок к микрофону и негромко произнесла:

— Вы казните не того человека. Но, подозреваю, вас это уже не интересует.

Собственный голос прозвучал на удивление сухо. С легкой, почти ленивой насмешкой. Женщина за стеклом что-то яростно выкрикнула, но звук сквозь тройной триплекс не проходил, и меня это вполне устраивало.

Я снова перевела взгляд на начальника тюрьмы:

— У меня всё. Можете приступать.

Он пару секунд сверлил меня глазами — видимо, ждал, что я сломаюсь, передумаю и начну выть. Не дождешься, дядя. Потом коротко кивнул кому-то за перегородкой и отошел.

Ну вот и всё, Ксюха. Допрыгалась. Я снова уставилась в потолок. Пятно возле лампы по-прежнему напоминало раздавленного таракана. До чего же дурацкий финал. Столько лет петлять по лезвию, вылезать из безнадежного дерьма, щелкать взрослых умных мужиков как орехи, и закончить биографию на клеенке под гул вентиляции в богом забытом

Хантсвилле. Блестящая карьера, ничего не скажешь.

Когда-то я прикидывала свой конец совсем иначе. Быстрая автокатастрофа на скорости под двести. Пуля в затылок. Или яд в бокале дорогого вина. Что-нибудь резкое, внезапное, без этой казенной больничной тягомотины. Но вот так… лежать бревном, пока незнакомые мужики настраивают дозаторы? Нет уж. Совершенно не мой стиль.

В прозрачной трубке у правого локтя что-то дрогнуло. Я засекла едва заметное движение жидкости. Началось.

Я прекрасно знала, что именно они мне заливают. В камере от нечего делать перелопатила всю доступную литературу по смертельным инъекциям. Чисто профессиональное любопытство: трудно удержаться от изучения матчасти, когда знаешь, от чего именно предстоит сдохнуть.

Первые секунды ничего не менялось. Только под кожей возле катетера появилось неприятное ощущение. Я вслушивалась в себя, ожидая удара боли, и вдруг поняла, что я категорически не хочу умирать.

Вот новость-то, а? Не хочу. Совсем. Мне до судорог захотелось подорваться с этой каталки, перервать зубами проклятые ремни, расквасить технику его постную рожу, вынести плечом дверь и бежать. Плевать куда. Хоть босиком по ночному шоссе через весь Техас, лишь бы подальше от этого мятного склепа.

Я безумно хотела жить. Жрать нормальную еду. Заливать в глотку обжигающий горький кофе. Гнать на «Челлендже-

ре» по ночной трассе, когда стрелка спидометра уходит за сто двадцать миль, компрессор ревет так, что выбивает мысли из черепа, а в лицо через открытое окно хлещет горячий соленый ветер. Господи, как же я скучала по скорости! По ветру. По элементарной возможности выйти за дверь и пойти куда вздумается, не глядя на чужие протоколы.

Все эти годы я внушала себе, что тоскую по бабкам, шмоткам от кутюр и пентхаусам на Манхэттене. Ни хрена подобного. Я скучала по свободе.

Ну надо же. За две минуты до отключения питания открыла в себе философа. Я попыталась усмехнуться этой мысли, но лицевые мышцы уже отказывали. Губы онемели. Тело наливалось чугунной, неподъемной тяжестью, свет люминесцентных ламп поплыл, превращаясь в мутное молочное пятно, а голоса конвоиров за дверью стали глухими, словно доносились со дна бассейна.

И в этот момент меня накрыла слепая, бешеная ярость. Не на судью. Не на усатого эксперта. Даже не на тех упырей, которые слили меня и сейчас наверняка спокойно цедят виски где-нибудь в клубе на Верхнем Ист-Сайде. На себя.

Дура. Какая же ты дура, Ксюша. Столько всего пройти, вывернуться из сотни капканов, развести гроссмейстеров конспирации, и лежать здесь. Беспомощной куклой.

Они победили. А я не успела. Тупо не хватило времени…

Эта мысль оказалась последней четкой конструкцией в разваливающемся процессоре. Дальше пошли обрывки: ли-

цо матери в багровых отсветах пламени, чужие тяжелые руки, запах бензина, кривая насмешливая ухмылка Васи.

Алекс, неподвижно лежащий на паркете в своей безупречно белой рубашке. Воспоминания смешались, потеряли резкость, будто кто-то лихорадочно перебирал пачку старых фотографий и разом выронил ее на пол.

Темнота накатывала широкими волнами. Сначала растворились силуэты за стеклом, потом исчез потолок, лампы, мятные стены. Низкий гул кондиционера вытянулся в одну вибрирующую струну.

Я попыталась вдохнуть. Кажется, легкие еще дернулись. Или нет. Не помню. На самом краю гаснущего сознания успела промелькнуть последняя, дурацкая мысль: а ведь я так и не узнала, кто именно подставил меня окончательно. Сволочи. Ну ничего... Если бы только...

И всё. Никакого света в конце тоннеля. Ни ангелов, ни демонов.

Ничего…

ГЛАВА 1. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК, ДЕТКА!

Сколько длилась темнота? Секунду? Сутки? Вечность?

Понятия не имею. В этой дыре не водилось ни снов, ни мыслей, ни фонового гула в ушах. Чистый нуль. А потом сквозь пустоту пробился первый звук. Глухой, далекий, словно доносившийся сквозь слой сырой земли.

Звук нарастал, обретая мерзкую, бытовую четкость.

Корова. Самая натуральная, тупая колхозная корова. Она выла где-то неподалеку — протяжно, надрывно и с такой безнадежной тоской, как будто ее вели на бойню. Ей сипло отозвалась вторая. Дальше скрипнуло несмазанное дерево, кто-то гаркнул хриплым басом, и размеренно, тупо застучал топор по полену. А поверх всей этой пасторали плыл колокольный звон, низкий, тяжелый, чугунный, растворяющийся в сыром утреннем воздухе.

Ни шелеста шин по асфальту. Ни воя сирен, ни утробного гула кондиционеров под потолком… Вообще никакого городского белого шума, который замечаешь только тогда, когда его внезапно вырубают.

Какого хрена? Я попыталась пошевелиться. Тело отозвалось с противной задержкой: мышцы заклинило, суставы ломило, а в черепной коробке вместо мозгов перекатывался

ком мокрой ваты. При попытке вдохнуть ребра отозвались острой тупой болью, а в горле стояла такая сушь, словно я неделю жрала строительную известь.

Но хуже всего были запахи. Господи, ну и помойка. Густой, въедливый дух печного дыма, сырое гнилое дерево, кислый дух немытого человеческого тела и резкая травяная горечь — так разит из кастрюли, где бабка-травница решила разом прокипятить все окрестные сорняки. А фоном, жирным мазком, тошнотворная вонь прогорклого сала.

Я лежала, не открывая глаз, лихорадочно соображая, где я и что происходит. Последнее четкое воспоминание было зафиксировано намертво: Хантсвилл, Техас. Смертный бокс, каталка, кожаные ремни поперек груди, мятные стены стоматологического оттенка. Желтое пятно на потолке, похожее на раздавленного таракана. Игла в вене. Ледяная жижа, поползшая под кожу, темнота и запоздалое осознание, что на этот раз Ксения Волкова не выкрутилась. Приехали. Конечная станция, поезд дальше не идёт. Финита.

И вот, здрасьте вам через окно - коровы. Вариантов расклада было ровно два, и оба отдавали клиническим бредом.

Допустим, я каким-то чудом не сдохла: в последнюю секунду губернатор нажал на тормоза, меня сняли с каталки, откачали адреналином и перевезли в тюремный лазарет. Окей, но тогда какого хрена под окнами американской реанимации мычит крупный рогатый скот?! Нет, я в курсе, что в Техасе коров больше, чем реднеков, но пасти их пря-

мо под корпусом тюремного госпиталя, это уже явный перебор даже для южан. Вторая версия выглядела ещё веселее: мой мозг прямо сейчас догорает в предсмертной гипоксии на той самой каталке и напоследок крутит мне галлюцинации с жёстким агропромышленным уклоном. Спасибо тебе, родной, удружил так удружил! Не мог мне на прощание пляж на Мальдивах смоделировать или хотя бы витрину бутика на Пятой авеню?!

Я осторожно приоткрыла правый глаз. Свет резанул так, словно в зрачок ткнули раскаленным шилом. Зажмурилась, переждала вспышку мигрени и повторила попытку, медленно, без резких движений.

Надо мной нависал темный, закопчённый деревянный потолок с толстенной, грубо отёсанной балкой посередине. Ни тебе гипсокартона, ни водоэмульсионки, ни больничных плафонов. Сбоку сквозь полумрак пробивался тусклый рассеянный свет, выхватывая край грубой пыльной ткани и кривую бревенчатую стену.

Я моргнула раз, другой. Картинка держалась крепко, не таяла.

Так. Занятно. Попытка оторвать лопатки от постели едва не закончилась обмороком. Голова закружилась, сердце сорвалось в бешеную тахикардию, перед глазами поплыли серые хлопья. Пришлось замереть, судорожно хватая ртом воздух.

Тело ощущалось совершенно чужим. Легкое, непривычно

короткое, с каким-то другим центром тяжести. Руки и ноги слушались с трудом, рычаги не совпадали с привычной схемой.

А потом я посмотрела на свою правую руку. Точнее, на конечность, которая почему-то торчала из моего плеча. Тонкая, бледная до синевы, с узкой прозрачной кистью и тонкими пальцами. Ногти коротко, неровно обстрижены, без намёка на маникюр. Возле ногтя указательного пальца темнела мозоль, плотная, въевшаяся в кожу, словно от долгой работы с тонким инструментом или иглой. И ни следа старого ожога, который я заработала еще в Москве и помнила наизусть. Ни шрамов. Ничего.

Я медленно повернула кисть ладонью к лицу. Растопырила пальцы, сжала в кулак. Чужая клешня послушно отработала команду. Ну ни хрена себе фокус. Я уставилась на руку так, словно обнаружила под одеялом живую гадюку. Потрогала пальцами левой руки правое предплечье, пощупала локоть, плечо. Кожа настоящая, теплая, под ней вяло пульсируют вены, перекатываются сухожилия. Живое мясо. Вот только к Ксении Волковой этот комплект запчастей не имел никакого отношения.

С плеча на грудь скользнула тяжёлая, густая прядь тёмно-русых волос. Я машинально поймала её пальцами, потёрла и понюхала: пахло всё тем же печным дымом и какой-то сушеной травой. Волосы были длинными, слегка спутанными в колтуны. В прошлой жизни на Манхэттене я отвалива-

ла колористам безумные сотни баксов за идеальный платиновый блонд, который выглядел на миллион долларов, а в этой дыре о существовании нормального шампуня, похоже, даже не слышали.

Опустила глаза вниз. На мне была длинная льняная рубаха до пят. Грубое, колючее полотно промокло насквозь и липло к ребрам холодным компрессом. По вороту шла какая-то простенькая вышивка крестиком, никакого нижнего белья под подолом не ощущалось в принципе. Я машинально провела ладонями вдоль рёбер, пересчитала выпирающие кости, спустилась к талии, животу, бёдрам, и окончательно убедилась, что заменой рук и волос дело не ограничилось. Меня пересадили в другой кузов целиком.

Грудь отсутствовала как класс. Меня и в прошлой жизни природа формами не баловала - чистый первый с натяжкой, если по чесноку, но здесь конструкторы решили вообще не заморачиваться. Доска. Впрочем, с такой дистрофией неудивительно: под мокрой тряпкой рёбра торчали как батарея центрального отопления, а через впалый живот при желании можно было прощупать позвоночник. Прелестно. Мало того что меня зашвырнуло черт знает куда, так еще и поселили в доходягу, которую забывали кормить последние полгода.

Я спустила ноги на пол. Босые ступни обожгло холодом. Доски были широченные, неструганые, с щелями, откуда ощутимо тянуло сквозняком.

Кровать, с которой я сползла, оказалась монументальным сооружением: дубовые резные столбы, пыльный полог из полинялой парчи, сдвинутый в угол, и пуховая перина толщиной в полметра. При мысли о том, сколько клопов и блох прямо сейчас пируют в этих перьях, захотелось заорать и выскочить в окно. Но пол был ледяной, а сил в тушке оставалось ровно на то, чтобы не сдохнуть во второй раз.

Я оперлась о столб и огляделась. У стены стоял кованый железный сундук размером с гробовой склеп. Рядом, кресло с продавленной бархатной обивкой и шаткий столик, на котором тускло поблескивал медный таз. В углу, под потолком, темнела тяжелая икона в серебряном окладе, перед ней лениво теплилась лампада. У изголовья в массивном подсвечнике догорала толстая, оплывшая свеча, и именно от нее несло тем самым тошнотворным салом. Окно крошечное, составленное из мелких мутных стеклышек, залитых серым утренним светом.

Так, ладно. На крестьянский хлев не похоже, но и дворцом не пахнет. Кресло, резьба, серебро на иконе, таз, вещи, конечно, старые, затертые, но в этом захолустье их владелец явно не перебивался с мякины на лебеду. Какая-то провинциальная усадьба.

Я доковыляла до столика, вцепившись пальцами в край столешницы, чтобы не рухнуть. Наклонилась над тазом. Вода была ледяной и затянутой тонкой пленкой пыли. Металл потускнел, поверхность дрожала от моего прерывистого ды-

хания, и вместо лица я увидела лишь мутное белое пятно. Разглядеть детали в этом средневековом мониторе было решительно невозможно, с таким же успехом можно смотреться в кастрюлю с борщом. Голова снова пошла кругом, и я мёртвой хваткой вцепилась в спинку кресла, чтобы не рухнуть на пол

Приходилось признать очевидное: мой хвалёный аналитический аппарат буксовал. Галлюцинация? Вряд ли… В глюках не бывает такой детальной, многослойной вони и так реалистично не ломит поясницу. Затянувшийся сон? Я никогда не страдала богатым воображением. Значит, что, я реально сдохла в Техасе и попала на тот свет? Серьёзно, блин?! И вот эта изба с сальной свечкой и мычащими коровами, это максимум, на что хватило бюджета у небесной канцелярии?! Где котлы? Где черти с вилами? Какого черта вместо вечных мук мне выдали пуховик с блохами и сопливую простуду?

Я попыталась усмехнуться, но из горла вырвался сухой, лающий кашель. Я согнулась пополам, зажимая рот ладонью. Зашибись. Еще и чахоточная. Впрочем, одно обстоятельство радовало: какой бы ни была причина моего нынешнего положения, я снова могла дышать, двигаться и думать. А значит, пока рановато жаловаться.

За массивной дверью скрипнула половица. Шаги послышались моментально: мягкие, босые, торопливые. Я на чистых рефлексах отступила к кровати, плюхнулась на перину и подобрала под себя ноги. Встречать аборигенов на подги-

бающихся ногах и рисковать растянуться перед ними в обмороке было бы стратегической ошибкой. Ещё решат с перепугу, что из покойницы бесы полезли, и вызовут экзорциста с кочергой. Судя по иконам в углу, с мракобесием тут был полный порядок.

Дверь жалобно взвизгнула на несмазанных петлях, и в щель бочком протиснулась девка лет шестнадцати. Круглая, румяная, щеки как два тугих яблока, через плечо перекинута русая коса толщиной в мою руку. Одета в длинную холщовую рубаху и тёмный домотканый сарафан. В руках она бережно несла глиняную кружку, над которой поднимался пар.

Подняв глаза и увидев меня сидящей на постели, аборигенка затормозила так резко, что варево плеснуло ей на пальцы. Издав короткий, сдавленный визг, она прямо с кружкой на весу рухнула на колени, едва не пробив лбом половицы.

— Ох, матушка Аграфена Дмитриевна! — заголосила она дурным голосом, колотясь лбом о доски. — Очнулись, родимая! Слава тебе, Царице Небесной, заступнице нашей! А мы уж думали, всё, преставилась барыня! Третьи сутки в горячке пластом лежите, зубы сжавши! Уж и батюшку отца Никандра звать хотели, отходную читать!

Я сидела не шелохнувшись, переваривая услышанное. Аграфена Дмитриевна. Вот это подарочек. Всю жизнь была Ксенией, в Штатах вечно коверкали в идиотскую «Зинию», потом на меня натянули Синтию Эшли, а теперь ещё и Аграфена. Груша, мать ее за ногу. У того, кто пишет сценарий

этой комедии, чувство юмора определенно какое-то извращённое.

Но имя было мелочью. Девка назвала меня барыней. И валялась на полу, боясь поднять глаза. На круглой физиономии девки первобытный страх мешался с щенячьим облегчением, и мне требовалось срочно просчитать природу этого страха. Кого она боялась? Прежнюю Аграфену? Или того, кто сдерет с нее шкуру за недосмотр за хозяйской тушкой?

— Встань, — сказала я.

Собственный голос прозвучал чудовищно. Высокий, с легкой хрипотцой, тонкий и непривычно мягкий. Словно говорила не я, а чужая сопливая малолетка.

Девка подскочила, прижала кружку к груди, но глаз поднять не смела.

— Подойди.

Она засеменила к постели, мелко дрожа. Я молча протянула руку. Девка спохватилась и засеменила к кровати, подавая глиняную посудину. Внутри плескалась мутная бурая жижа, вонявшая заваренным сеном и горечью. Я сделала мелкий пробный глоток и поморщилась — гадость редкостная. Но жидкость была тёплой и мокрой, а моя пересохшая глотка сейчас согласилась бы и на воду из лужи. Осушив кружку наполовину, я сунула её обратно в руки девке.

— Как зовут?

Девка выпучила глаза так, словно я потребовала от нее сплясать стриптиз на гробу архиепископа:

— Так Палашка я, матушка Аграфена Дмитриевна… Сенная ваша. Али не признали? Вы уж не гневайтесь, родимая, в горячке-то оно всяко бывает, память отшибает…

— Отшибло, — охотно подтвердила я, мгновенно хватаясь за удобную легенду. — Конкретно отшибло. Так что не стой столбом, Палашка, а отвечай на вопросы. Сегодня какой день?

Она судорожно перевела дух. Хозяйка чудит, но вроде бы убивать пока не планирует — для сенной девки расклад вполне терпимый.

— Среда нынче, матушка. Третья седмица по Пасхе.

Очень информативно, черт бы тебя побрал. Я, конечно, знала, что такое Пасха, но с церковным календарем у меня со школы было неважно. Значит, весна. Судя по сквознякам, не самая теплая. Требовалось уточнить координаты на хронологической шкале.

— А кто у нас нынче на престоле сидит? — как бы между делом бросила я, поправляя сбившуюся простыню.

Палашка испуганно заморгала, мелко перекрестила рот:

— Да как же, матушка… Государыня наша, матушка-императрица Екатерина Алексеевна! Дай ей Господь здравия на долгие лета…

Екатерина Алексеевна.

В голове со щелчком всплыли остатки школьного курса истории, которую я когда-то зубрила ради золотой медали. Екатерина Вторая, дворцовый переворот, Пётр Третий, ка-

кие-то Орловы, гвардейцы, бесконечные фавориты. Кажется, трон она отжала летом тысяча семьсот шестьдесят второго. Если вокруг меня не декорации безумного реалити-шоу с многомиллионным бюджетом, то меня зашвырнуло в очень далёкое прошлое.

— И который год матушка-государыня правит? — процедила я сквозь зубы.

— Так шестой годок пошёл, родимая, — охотно отрапортовала Палашка. — Как прежнего-то государя в лето свели, так с той поры и царствует. Отец Никандр в церкви молебен здравый служил, а староста наш баял, что при новой государыне вольготно станет…

Шестой год от лета шестьдесят второго. Весна тысяча семьсот шестьдесят восьмого года.

Я медленно откинулась на пыльную подушку. Ну зашибись, Ксюшенька. Вырвалась на свободу из техасской кутузки. Получи, распишись: двести с лишним лет назад, крепостное право, чугунные утюги, Екатерина Великая, ни аспирина, ни интернета, ни горячей воды в кране, ни даже элементарной возможности заказать пиццу. Зато вокруг сосны, коровы и экология, будь она неладна. Впору было снова рухнуть на вшивую перину, натянуть одеяло на макушку и заорать благим матом.

Палашка топталась у постели, вжимая кружку в фартук и косясь на меня как на упыря, вылезшего из могилы. Еще пару таких вопросов — и девка побежит по усадьбе с воп-

лями, что барыня тронулась умом. А в восемнадцатом веке способы лечения душевных болезней были незамысловатыми: кровопускание, клистир из уксуса и святая вода оптом.

— Зеркало тащи, — скомандовала я.

Девка мелко закивала, метнулась к окованному сундуку у стены, откинула крышку и после недолгого шуршания извлекла небольшое ручное зеркальце в потемневшей серебряной оправе. Несла она его ко мне обеими руками с таким благоговением, будто это была как минимум чудотворная икона из Иерусалима. Я перехватила холодную металлическую ручку и поднесла мутноватое, чуть зеленоватое стекло к лицу.

Я взяла металл за холодную ручку и подняла к глазам. Из мутной амальгамы на меня уставилась совершенно незнакомая соплячка.

Лет восемнадцать, от силы девятнадцать, моя ровесница из прошлой, дотюремной жизни. Кожа бледная, почти прозрачная, тонкий заостренный нос, впалые щеки, губы сухие, искусанные до крови. Под огромными, в пол-лица, серыми глазами залегли глубокие лиловые тени, следы трехдневной лихорадки. Густые тёмно-русые волосы растрепались по худым плечам спутанной гривой, придавая картинке законченный вид умирающей лебеди.

Я покрутила зеркало, оценивая исходные данные в профиль и анфас. А экстерьер-то вполне приличный: черты тонкие, породистые, при нормальном уходе и откорме будет на-

стоящая красавица. Всю малину портило только базовое выражение этой мордашки — какая-то хроническая, въевшаяся в мимику затравленность. Типичная жертва, привыкшая извиняться за сам факт того, что коптит небо. Такие овцы вечно ходят вдоль стеночки, смотрят в пол и готовы целовать руки за то, что сегодня их не выпороли. Тьфу. Амеба.

Я медленно подняла подбородок, чуть прищурила левый глаз и искривила правый угол рта в своей фирменной, змеиной полуулыбке.

Во-о-от. Совсем другое дело. В зеркале мгновенно всё изменилось. Чужое лицо натянулось на мой родной каркас. Жертва сдохла за долю секунды, и из мутного стекла на меня снова пялилась Ксения Волкова. Опасная, расчетливая дрянь с полным отсутствие эмпатии. Та самая тварь, которая хладнокровно топила конкурентов в Москве, крутила миллиардерами на Манхэттене и ухмылялась палачам на каталке в Хантсвилле.

Оскал на месте. Прорвемся. Я опустила зеркало и заметила, что Палашка у кровати снова мелко крестится, глядя на меня как на ожившего мертвеца. Видимо, моя фирменная улыбочка на лице кроткой барышни произвела неизгладимый эффект.

— Ты чего трясёшься, блаженная? — сухо поинтересовалась я, откидываясь обратно на подушки. — Чертей увидела?

— Чур меня, матушка… — пролепетала девка, пятясь к

двери. — Господь с вами… Я-то радешенька, что вы оклемались! Да только барин наш, Аполлон Никифорович, шибко гневаться изволят… С самого рассвета три раза присылали дознаться, дышите ли ещё. И строго-настрого приказали: как очнётесь, сию ж минуту им доложить! Я уж мальчонку с вестью кликнула, как только вы глаза открыли…

Барин. Аполлон Никифорович. От одного сочетания имени и отчества в воздухе запахло нафталином, брюхом, размером с пивной бочонок в бархатном халате и тяжёлым домостроевским кулаком. Впрочем, габариты возможного оппонента значения не имели, а вот реакция Палашки читалась как открытая книга, этого самого Аполлона девка боялась до мокрых панталон. Причём на порядок сильнее, чем меня.

И кто он мне? Отец? Дядюшка? Муж? Последний вариант заставил внутренности сжаться в ледяной комок. Если эта девица замужем, значит, в комплекте с новым телом шел бородатый помещик. Спать с чужим мужиком на одной перине мне не улыбалось категорически, я бы придушила его подушкой в первую же брачную ночь чисто из соображений личной гигиены. Отец или дядя — куда проще. Это хотя бы знакомая схема: семья, имущество, наследство, право распоряжаться тушкой. Разберемся.

Снизу, из коридора, донесся тяжелый, мерный стук. Скрипели ступени. Человек поднимался медленно, с одышкой, припадая на одну ногу и тяжело опираясь на палку. Тук. Скрип. Тук. Скрип.

Палашка мгновенно вжалась спиной в бревенчатую стену, сложила руки на животе и уронила нос в пол.

Первым моим порывом было сесть прямо, расправить плечи и встретить местного альфа-самца во всеоружии. Но внутренний предохранитель тут же ударил по тормозам. Стопэ, Ксюха, не гони лошадей. Показывать зубы, не зная правил игры и расстановки фигур на доске, удел тупых малолеток. Зачем пугать дедушку резкой сменой характера? Куда выгоднее отыграть слабую, полуобморочную страдалицу, у которой после трехдневной комы в голове звенит колокол и начисто стёрлись последние файлы. Тем более что на девяносто процентов это чистая правда, мой любимый рецепт идеальной лжи.

Я мгновенно погасила взгляд, расслабила мышцы лица, мешком сползла на подушки и прикрыла веки, оставив лишь узкую щель для обзора.

Идеально. Ждёт полудохлую овечку, получит полудохлую овечку. А если начнёт задавать неудобные вопросы, на которые у меня нет ответов, всегда можно закатить глаза и сослаться на остатки горячки. Болезнь вообще шикарное прикрытие для разведки боем.

Тяжёлые шаги замерли прямо за дубовой створкой. Палашка в углу перестала дышать, зажмурившись как перед ударом кнута. Я мысленно усмехнулась уголком губ. Ну давай, Аполлон Никифорович, заходи на огонёк. Посмотрим, что ты за птица и с каким соусом тебя едят.

За дверью шумно, со свистом выдохнули, звякнула кованая щеколда, и створка медленно поползла внутрь.

ГЛАВА 2. "ХОЗЯЙКА" ГНИЛОДВОРЬЯ

В дверном проеме нарисовался персонаж, при виде которого я чуть не забыла, что прямо сейчас старательно косплею полутруп.

Хотя, если по чесноку, именно этим я и занималась. Только в куда более буквальном смысле, чем могли вообразить присутствующие.

Мужику было крепко за шестьдесят, а на вид все семьдесят пять с хвостиком. Грузный, оплывший, с тяжёлыми бульдожьими брылями и обвисшими щеками, он с кряхтением перевалился через порог, опираясь на массивную трость с серебряным набалдашником в виде птичьей башки. Мясистый, рыхлый нос напоминал перезрелую синюю сливу, густо исчерченную фиолетовой сеткой лопнувших капилляров. Точно такие же помятые хари я насмотрелась в светской хронике Нью-Йорка: престарелые миллиардеры с Уолл-стрит, которые полвека жрали жизнь большой ложкой, ни в чём себе не отказывая, а к финалу вдруг с удивлением обнаруживали, что ни печень, ни сердце по гарантии на новые не меняют. На макушке у деда криво, набекрень сидел седой напудренный парик, а поверх нижней рубахи болтался просторный шлафрок из тёмно-зелёного бархата с засаленными

до блеска обшлагами.

Ну здравствуй, Аполлон Никифорович. Имя, конечно, отдельная песня. Бог света, красоты и изящных искусств, мать его так. Древние греки при виде этого чуда природы немедленно потребовали бы назад свои пожертвования на храм.

Впрочем, ржать я не торопилась. При всей своей разваливающейся фактуре старик совершенно не тянул на выжившего из ума деревенского одуванчика. Из-под кустистых седых бровей буравили пространство маленькие, колючие и предельно трезвые глазки, а массивная нижняя челюсть сразу выдавала породу человека, привыкшего ломать чужое сопротивление через колено. Двигался он тяжело, со свистящей одышкой, но заполнял собой комнату так плотно, что довольно просторная спальня сразу показалась тесной.

Палашка при его появлении согнулась чуть ли не пополам в глубоком поясном поклоне и буквально влипла в бревенчатую стену, боясь даже выдохнуть. И этот жест говорил о вошедшем куда больше, чем золотая цепь, поблескивавшая в вырезе его шлафрока.

— Аграфена Дмитриевна... Груняша... — выдал он неожиданно мягким, сиплым баритоном. — Очнулась, голубушка моя!

Старик приковылял к кровати и замер, разглядывая меня так пристально, как будто прикидывал, не галлюцинация ли перед ним. Потом шумно, с присвистом перевел дух, размашисто перекрестился на темные иконы в углу и протянул

сухую руку к моему плечу.

— Господи, помилуй... Уж думал, не дождусь. Третьи сутки в беспамятстве металась, горела вся, бедная. Я и лекаря из уезда выписал, и батюшку Никандра звал, и знахарку какую-то притащили дворовые... Одно другого краше! Немец этот, шарлатан проклятый, только пиявок да жилы отворять горазд. А в тебе и так крови, почитай, ни капли не осталось. Ну что, душа моя, полегчало малость?

Я покорно опустила ресницы и вяло уронила голову на край подушки. Изображать немощь не требовалось: тушка после горячки была на нуле, а в висках от долгого сидения снова противно застучало.

— Немного, Аполлон Никифорович... — прошелестела я еле слышно. — Только тяжело очень. И в голове туман.

— И не диво, голубушка, не диво, — закивал он, тяжело сопя. — От такого огня иные вовсе рассудком трогаются. А ты молоденькая, кровь чистая, вот Господь и миловал.

Он приставил трость к резному столбику кровати и с кряхтением опустился на стул.

Он прислонил трость к резному столбику и с протяжным кряхтением опустился на придвинутый стул. Я машинально подобралась, когда старик потянулся к моей кисти, но заставила себя не одёргивать руку. Пальцы у него оказались крупными, сухими, с распухшими от подагры суставами и двумя массивными золотыми перстнями. От его кожи шибануло густым коктейлем из табака, камфоры и какой-то притор-

ной цветочной водички, причём последнюю явно лили поверх немытого тела, чтобы перебить старческий дух. Спойлер: не помогло ни разу.

— Напугала ты меня, Груняша, — пробормотал он, осторожно поглаживая мою худую кисть. — Ох, напугала. Три дня сам не свой. Как представлю, что один на старости лет останусь, так сердце и заходится... Уж не чаял, что вернет тебя Господь.

Один на старости лет? Занятно. Это кто ж я ему по штатному расписанию? Любимая дочка, бедная племянница или особо ценная приживалка? Слишком уж нежно старый хрыч наглаживал мою кожу. Да и взгляд у него был специфический. Не то чтобы откровенно сальный, но какой-то хозяйский, инвентаризационный. Так смотрят на дорогой сервиз или породистую лошадь, за которую только что отвалили круглую сумму.

Он наклонился и прижал сухие губы к моему запястью. И вот тут моя новая тушка выкинула такой фортель, что у меня в голове едва не замкнуло контакты.

По руке прокатилась мелкая, горячая волна, кожу обсыпало мурашками, а в самом низу живота возникло странное, тянущее, предательское тепло. Короткое, едва уловимое, но настолько чужое, что я машинально перехватила дыхание. Старик продолжал перебирать мои пальцы, совершенно не подозревая, какую мину он только что подорвал под моим самоконтролем.

Это ещё что за хрень собачья?! Не то чтобы мне понравилось. Боже упаси. От его кислого старческого духа хотелось вывернуться наизнанку, а от мысли, что эти дряблые губы коснутся меня где-то еще, к горлу подкатывала тошнота. Но долбаное тело среагировало! Автономно, в обход центрального процессора и совершенно не так, как моя прежняя оболочка!

В жизни Ксении Волковой подобного сбоя не случалось никогда. Моя полная эмоциональная и физическая глухота к чужим прикосновениям всегда была моей броней. Я могла изображать страсть, стонать по таймингу, разводить взрослых умных мужиков и ложиться с ними в постель ради ресурса так, что бродвейские примы удавились бы от зависти. Но внутри я всегда оставалась ледяной глыбой. Снежной королевой с диагнозом фригидность. Любые мужские ласки были для меня чистой механикой: трением эпителия об эпителий, иногда терпимым, чаще противным, но абсолютно пустым с точки зрения дофамина. Меня интересовал исключительно ROI - конечный профит от объекта, а не сам процесс.

А здесь новая тушка выдала автономный гормональный отклик. Просто шикарно, блин. Мало того что переселили в дистрофика из восемнадцатого века, так ещё и отгрузили в комплекте биологию, которая живет собственной жизнью. И главное, хоть кто-нибудь у меня спросил, нужны мне эти животные рефлексы или нет?!

Я медленно, словно от слабости, вытянула пальцы из его

ладони и прикрыла веки. Сердце колотилось чуть быстрее обычного, и это тоже раздражало. Спокойно. Разберемся позже.

— Простите... — прошептала я. — Что-то дурно мне стало. И в горле пересохло совсем…

Аполлон Никифорович тут же вскинулся:

— Палашка! — рявкнул он таким командирским басом, что я вздрогнула уже без всякой симуляции. — Чего встала, раззява?! Пить барыне подай! Да не этого сена прелого — морсу клюквенного со льда принеси, студёного! И печь вели истопить живо, холод собачий развели!

— Сию минуту, ваше сиятельство! — пискнула девка и вылетела за дверь с такой скоростью, словно за ней гналась стая чертей с ухватами.

Та-ак. «Ваше сиятельство». Граф, стало быть. Хоть с социальной ступенькой определились. Не просто помещик средней руки, а титулованная особа.

Самое смешное, что стоило старику повернуться ко мне, как лицо его моментально вернулось к образу святого угодника. Только что готов был живьем сожрать сенную девку, а теперь снова воркует. Неплохой тумблер. Надо взять на заметку.

— Не серчай, душа моя, — он сокрушённо покачал головой, снова поправляя съехавший парик. — Дворовые нынче совсем от рук отбились. Глаз да глаз нужен. Ты лежи, лежи. Я уж сам все проверю.

Я выдавила бледную полуулыбку. Классика: запугать обслугу до мокрых панталон, а потом включить доброго дедушку. Впрочем, мне к таким замашкам было не привыкать: Алекс Эшли точно так же умел одной рукой гладить меня по головке, а другой беззвучно отправлять людей на корм атлантическим крабам. Знакомая методика.

— Вы... вы не сердитесь на меня, Аполлон Никифорович? — тихонько закинула я пробный шар.

Старик даже моргнул от неожиданности:

— Господь с тобой, душа моя! За какую такую вину мне на тебя гневаться?

— Память... путается, — я запнулась, изображая растерянность. — Палашку едва признала. И вас... Вроде знаю, кто вы, а начинаю припоминать — и всё будто в белом дыму тонет. Простите меня, грешную…

Он нахмурился. Умиление с его лица сползло моментально. Маленькие глазки сузились, сканируя мои зрачки: проверял, действительно ли барышня тронулась умом от горячки или зачем-то ломает комедию.

— Да уж... крепко тебя лихоманка прихватила, — глухо проворчал он наконец. — Как же так, Груняша? Законного супруга своего не признать?

Бинго, мать твою. Супруга. У меня внутри все перевернулось от отвращения. Вот оно что. Муж.

Каких трудов мне стоило удержать челюсть на месте, отдельная история. Зашибись, Ксюша. Получи полный пакет:

чужое тело, коровы за окном и в придачу престарелый граф с датой выпуска времен Петра Великого. В качестве законного владельца моей тушки.

И что мне теперь делать с этим антиквариатом в бархатном халате?!

— Нет-нет... — я торопливо, испуганно затрясла головой, натянув маску виноватой, покорной овечки. — Я вас помню, конечно, помню! Просто мысли скачут, всё как во сне… Не сердитесь, Христа ради.

— Эх, девочка моя, — шумно выдохнул он, заметно оттаивая. — Да разве ж я зверь какой, чтоб на хворую гневаться? Я ж тебя у самой костлявой из зубов вымолил! Ничего, отлежишься, отпоим бульоном, всё на место и встанет. Мы ведь с тобой с самого Покрова венчаны, почитай полгода уж минуло. Неужто и как под венец шли, запамятовала?

Я лишь кротко потупила глазки в одеяло. С Покрова, значит. Середина осени прошлого года. То есть Аграфена замужем за этим ископаемым всего полгода. Сколько ж ей было на момент сделки — восемнадцать? Даже без калькулятора разница в возрасте смотрелась дико: девчонка только-только из кукол выросла, а её благоверный уже одной ногой в фамильном склепе стоит.

И ведь потащил под венец молоденькую, старый козёл, ничуть не застеснялся!

Хотя, если включить прагматика, чему я вообще удивляюсь? В моём двадцать первом веке богатые дедушки точно

так же пачками скупали восемнадцатилетних моделей. Просто там кто-то ограничивался содержанием и «Кайеном» на день рождения, а особо упертые экземпляры вели под венец, предварительно обложив девочку железобетонным брачным контрактом. А в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году с этим вообще красота: никаких тебе бракоразводных адвокатов, раздела активов и алиментов. Обвенчали в церкви и привет, ты пожизненная собственность господина. Крепостные души, домострой и полное бесправие женского пола. Рай для патриархата, феминистки из Твиттера перевешались бы строем прямо у околицы.

Правда, какие именно имущественные права полагались столбовым дворянкам при Екатерине Второй, я представляла весьма туманно. В школьных учебниках всю дорогу жевали сопли про крестьянские бунты, войны с турками и фаворитов императрицы, а вот бытовую юриспруденцию для замужних барышень как-то обошли стороной. Ладно, пробел в базе данных закрывать будем по ходу пьесы.

— Батюшку твоего, Дмитрия Ивановича, помяни, царствие ему небесное, — продолжал между тем старик, явно смакуя воспоминания. — Как преставился он, так ты одна круглой сиротой и осталась на бобах. Именьице-то ваше ярославское — слезы одни, долги да залог. Куда тебе, молоденькой да глупой, с кредиторами тягаться? По миру бы пустили! Кто б тебя, бесприданницу, приголубил, кто защитил? Вот я и взял грех на душу, под своё крыло принял, спас от разора.

Он вещал с таким неподдельным упоением, что я сразу поняла: что я сразу поняла: этот хит про великого благодетеля и спасённую нищенку крутят в этом доме ежедневно вместо утренней молитвы. Старик обожал чувствовать себя спасителем. Вытащил нищую сиротку из ярославской грязи, одел в шелка, привез в графское гнездо, а заодно получил молодую упругую тушку в старческую постель. Профит сто процентов. Просто образец христианского милосердия, хоть сейчас икону пиши.

— Вы так бесконечно добры ко мне, Аполлон Никифорович… — прошелестела я, осторожно коснувшись пальцами его сухой ладони. — Право, не ведаю, чем я пред Господом такую милость заслужила.

Старый индюк мгновенно раздулся от важности и расплылся в масляной улыбке. Ага, отлично, кнопка найдена. Лесть и покорное обожание заходили в эту мишень как по маслу, дедуля жрал комплименты собственному величию большой столовой ложкой и даже не морщился.

— Ну полно, полно, голубушка. Сердцу ведь не прикажешь. Приглянулась ты мне кротостью своей, полюбил старик — вот и весь сказ. Господь на закате дней такое утешение послал, я уж и не надеялся…

На волне умиления он снова нацелился обслюнявить мне руку, но я на опережение дёрнула плечом, глухо кашлянула в кулак и натянула одеяло до самого подбородка. Граф тут же отпрянул, встревоженно заглядывая мне в глаза. Ка-

кая трогательная забота. Жаль только, нельзя прямо с порога выписать законному супругу судебный запрет на приближение ближе чем на два метра. В восемнадцатом веке такой демарш вряд ли поймут правильно.

— А то ведь, грешным делом, думал: приберёт тебя Господь — и останусь я вовсе один супротив стервятников этих, — вдруг резко сменил пластинку старик, и лицо его на глазах потемнело. — Спят и видят, ироды, когда я глаза закрою да ноги протяну!

Стоп. А вот с этого места поподробнее, пожалуйста. Семейные сопли в сторону — на горизонте замаячил реальный конфликт интересов и делёжка активов.

— Кто же посмеет вас обидеть, Аполлон Никифорович? — я округлила глаза, изображая искренний испуг. — Неужто есть такие бессовестные люди?

Граф сердито засопел носом-сливой:

— Найдется кому! Племянничек мой дражайший, Никодим. Бестолочь, мот и картёжник конченый. В Петербурге только и знает, что за зеленым сукном сидеть да долги плодить. А как прижмут ростовщики к ногтю, так сразу про родного дядюшку вспоминает! «Аполлон Никифорович, благодетель, выручите, чести лишают!» А у самого в глазах одна думка: скорей бы старый хрыч в гроб лёг, чтоб всё Гнилодворье загрести да с молотка спустить!

Я едва не поперхнулась воздухом. Как-как он сказал?! Гнилодворье?! Нет, это он сейчас серьезно? Это официаль-

ное название родового поместья?! Я, конечно, понимала, что в России полно деревень с совершенно идиотскими названиями, но тут кто-то явно превзошёл самого себя. Гнилодворье. Просто праздник сельского оптимизма. Интересно, что там за забором? Болото с лягушками, кладбище да три покосившиеся избы? Хотя по обстановке комнаты и повадкам старика на полную нищету не похоже.

— А Никодим... он здесь, в усадьбе живёт? — аккуратно прощупала я почву.

— Чёрта с два! — зло фыркнул супруг. — Станет он в нашей глуши киснуть, ему столичные кабаки подавай! Наезжает только, когда карманы вывернет наизнанку. Осенью, как пронюхал, что я жениться надумал, прискакал ровно оглашенный — коней загнал! Всё кругами ходил, вынюхивал да высматривал. Трясётся, подлец, как бы ты мне наследника не принесла! Тогда ведь ему не вотчина графская, а кукиш с маслом под нос выйдет!

Старик осёкся и вдруг уставился на меня каким-то тяжёлым, оценивающим взглядом. Его глазки медленно скользнули по сбившемуся одеялу, зацепились за плоскую грудь под сорочкой, спустились к животу и снова вернулись к лицу.

У меня внутри всё покрылось инеем. Твою же мать. Кажется, старый пень реально ждёт от меня продолжения графского рода! То есть я тут для него не просто молодая грелка в кровать, а племенной инкубатор для производства закон-

ного наследника!

Воображение тут же услужливо нарисовало картинку в формате 4K: ночь, сальная свечка, и этот кряхтящий, пахнущий камфорой и луком мешок с костями карабкается на меня, чтобы исполнить супружеский долг… К горлу подкатил такой яростный спазм тошноты, что я всерьёз пожалела об отсутствии под рукой ампулы с цианидом. Дудки тебе, дедуля! Рожать в восемнадцатом веке без анестезии и антибиотиков от полудохлого старикашки я не подписывалась! Кстати, а какую вообще фамилию носит этот вымирающий род?

— Да что-то Бог не дает, — вздохнул он с неприкрытой старческой горечью. Слаба ты плотью, Груняша, ой слаба. Вон, от простого ветерка едва Богу душу не отдала. А мои годки уходят, песок сыплется…

Он смотрел куда-то в сторону, и впервые за всё время нашего знакомства в его голосе послышалась настоящая усталость. Не та старческая одышка, которая сопровождала каждый шаг, а что-то другое, куда менее приятное. Страх. Настоящий животный ужас человека, который понимает, что таймер тикает, а оставить накопленное добро некому. И ненавидел племянника именно за то, что тот ждал его смерти.

Насколько объективны были его претензии к Никодиму, я судить не бралась, мало ли каких собак вешают друг на друга пауки в семейной банке. Но расклад читался чётко: племянник для графа красная тряпка и главный триггер. Стоило задеть эту струну, как Аполлон тут же забывал присмат-

риваться к странностям моей «послегорячечной» амнезии.

— Не думайте о плохом, Аполлон Никифорович, — мягко пропела я. — Вы ещё многих молодых переживёте.

Он благодарно кивнул. Дешевая таблетка плацебо, но старики падки на подобные сказки. Всегда поражалась этой человеческой глупости: почему людям так нравится, когда им нагло врут про бессмертие? Можно подумать, от того, что какая-то пигалица пообещает деду долгих лет, у него чудесным образом прочистятся забитые тромбами сосуды.

Кстати, насчёт пигалицы… Надо бы всё-таки выяснить точный паспортный возраст моей новой оболочки. На глаз в зеркале, примерно восемнадцать-девятнадцать, но хотелось бы знать цифру без погрешностей. Только выспрашивать придётся филигранно, иначе точно запишут в юродивые: мужа не узнаёт, какая императрица на троне, не помнит, да ещё и собственные года забыла.

— А кто ещё у нас в доме живёт, батюшка? — осторожно продолжила я разведку, прикрыв глаза ладонью. — Боюсь, выйду из опочивальни — и людей в лицо не признаю, конфуз выйдет…

— Прислуги довольно, — отмахнулся граф. — Палашка при тебе, управляющий Потап Лукич хозяйством правит, староста за деревнями смотрит. Не забивай голову.

Потап Лукич. Зафиксировано. Если управляющий держит счета и крестьян, значит, у него ключи от всех реальных рычагов. Надо будет изучить этого персонажа.

— Да я просто тревожусь, не обидела ли кого в бреду худым словом, — кротко пояснила я. — Грешно людей понапрасну срамить.

Лицо старика снова разгладилось в благостной улыбке:

— Сердце у тебя золотое, Груняша, ангельское. Только ты с холопами-то не больно миндальничай, живо на шею сядут и ножки свесят! Ты тут теперь полная хозяйка, графиня Верейская. Это они перед тобой трепетать обязаны, а не ты перед челядью расшаркиваться!

Графиня Верейская. Запомнили. Хотя насчет «хозяйки» дед явно приукрасил: в этом склепе хозяином был исключительно он сам, а моя функция на этом празднике жизни — сидеть смирно, изображать кроткую богомольную овечку и целовать ручки благодетелю за кусок бархата. Ну и в перспективе, стать инкубатором для барчука.

— Лизавета-то заходила к тебе? — вдруг сменил он тему.

Я мгновенно насторожилась. Кто такая? Дочь?

— Не помню... Может, и была.

— Да уж как же, дождёшься от неё ласки! — зло буркнул старик. — Запрётся у себя с книжками французскими и глядит волчонком исподлобья! Четырнадцатый год девке пошёл, а дурь из башки так и не выветрилась. Вылитая покойная матушка её, Анна Карловна! Та тоже, бывало, слово ей поперёк скажешь — губы подожмёт и молчит сутками, ровно я ей рубль задолжал! Царствие ей небесное…

Он машинально перекрестился, но на лице вместо скор-

би читалась застарелая, въевшаяся досада — похоже, первая графиня Верейская пила из него кровь профессионально и даже после смерти осталась занозой в заднице.

— Стало быть, Лизавета ваша дочка? — уточнила я тоном слабой, растерянной больной.

— Дочь, кто ж ещё. Единственная кровиночка от первого венца. Да толку с неё чуть… Иным девицам в её лета уж женихов присматривают, а эта всё в премудрости лезет да характер кажет. Ты уж, Груняша, не бери к сердцу, ежели она тебе дерзить вздумает. Нрав у девки тяжёлый, нелюдимый.

Какая прелесть. Четырнадцатилетний подросток сидит взаперти с книжками и почему-то не прыгает до потолка от счастья, когда престарелый папаша тащит в дом новую мачеху на четыре года старше самой дочки! Прямо бином Ньютона для семейного психолога. Да я бы на ее месте вообще стрихнин в суп подсыпала всей семье.

Скрипнула дверь. Вошла Палашка с серебряным подносом: пузатый кувшин и граненый стакан из толстого зеленоватого стекла. Следом боком протиснулись две дворовые девки с охапками березовых поленьев, синхронно бухнулись на колени перед графом и метнулись к печи.

— Шевелитесь, тетери сонные! — рявкнул граф для острастки. — Барыня три дня в горячке лежала, а у вас тут стужа такая, что воду впору замораживать!

Девки испуганно застучали заслонками. Я сделала глоток из поданного стакана.

О-о, да. Холодный, резкий, бьющий по рецепторам клюквенный морс с лёгкой медовой ноткой! После той тёплой болотной жижи, которой меня потчевали утром, напиток зашёл как ледяная кола в пустыне. Я с наслаждением осушила стакан до дна, чувствуя, как в голове наконец-то начинает проясняться.

Граф тем временем с кряхтением поднялся, оперся на трость и восстановил дыхание.

— Пойду я, Груняша. Дела. Староста оброк привез, надо счеты сверить, чтоб не обворовал, шельма. Ты лежи, не шастай. К вечеру проведаю.

Он нагнулся и чмокнул меня в лоб. На этот раз никакой вспышки в животе не произошло — только холодные сухие губы и противный табачный дух. Слава богу. Видимо, первый раз тушка просто сбоила после комы.

— Благодарю вас за заботу, Аполлон Никифорович, — проворковала я, глядя на него снизу вверх преданными глазами спаниеля.

Старик довольно крякнул, поправил парик и медленно пошаркал к выходу. Палашка отскочила от дороги, как ошпаренная, а истопницы у печки синхронно сложились пополам, уткнувшись носами в половицы. Хозяин проплыл мимо них, даже не удостоив взглядом, и за дверью снова застучала его тяжёлая трость.

Когда тяжелые шаги и стук трости затихли на лестнице, я с наслаждением откинулась на перину и выдохнула.

Прелестный расклад. Муж — полусгнивший граф-самодур с манией продолжения рода. Племянник — столичный картёжник, примеряющий мерку для гроба дядюшки. Падчерица — угрюмый волчонок с книжками. Управляющий Потап Лукич, который наверняка гребет под себя все, что плохо приколочено. И в центре этой кунсткамеры — я. То ли восемнадцати, то ли девятнадцатилетняя графиня Верейская с дырявой памятью и чужой физиологией.

— Палашка, — позвала я служанку.

Та мгновенно материализовалась у кровати, мелко дрожа:

— Чего изволите, матушка?

— Прекрати подпрыгивать, у меня от твоих реверансов голова ещё сильнее кружится. Тащи гребень и что-нибудь надеть. Мягкое, свободное. И чтоб не пришлось затягивать меня, как посылку на почте.

Палашка удивлённо моргнула. Последнее сравнение она, разумеется, не поняла, но общий смысл уловила.

— Так ведь барин строго-настрого велели вам в постели лежать, матушка… Разве что шлафрок ваш тёплый подать, тот с голубой тесьмой, что вы опосля бани надевать изволили?

— Вот его и подавай. И больше никаких вопросов. Я и без того еле живая.

Пока Палашка рылась в окованном сундуке, я лениво наблюдала за двумя дворовыми девками, заканчивавшими шуровать кочергой в печи. Младшая — совсем соплячка лет

четырнадцати, вся в рыжих конопушках — то и дело воровато косилась в мою сторону, но стоило мне повернуть голову, как она пулей утыкалась взглядом в кирпичную кладку. Вторая, постарше и покрепче, работала молча, стараясь вообще не отсвечивать.

Занятная тут корпоративная культура, однако. Холопы трясутся от страха перед барами по умолчанию — даже когда барыня весит сорок килограммов с мокрой сорочкой и еле держится на ногах после комы.

Ведь чисто юридически вся эта челядь — просто говорящий инвентарь графа Верейского. Живая собственность. Всё, что я помнила из школьного курса про крепостное право, сводилось к стандартному набору штампов: барщина, оброк, Салтычиха, розги на конюшне, обмен девок на борзых щенков и бунт Пугачёва (который, кажется, должен рвануть лет через пять или семь, надо будет уточнить даты). То есть знания чисто теоретические. Спроси меня сейчас, сколько копеек оброка платит тягловый мужик и чем дворовый человек отличается от пашенного крестьянина, быстро сяду в лужу.

А разбираться в этой феодальной экономике придётся в темпе вальса: если не научусь держать этот террариум в кулаке, меня здесь сожрут без соли.

— Палашка, — лениво бросила я, пока служанка натягивала на меня теплый шерстяной халат. — А чего имение так странно кличут? Гнилодворьем?

— Так испокон веку, матушка, — моргнула девка. — Старики бают, будто ещё при дедах тут прежний господский двор на низине у болота срубили, дак он за десять лет до венцов сгнил. Опосля уж хоромы на бугре заново поставили, а прозвание старое так и присохло.

Ну да. Логика железная.В Америке такое место обозвали бы каким-нибудь «Грин-Вэлли Парк» и продавали участки по миллиону за сотку. А здесь даже фантазировать не стали. Сгнил двор, значит, будет Гнилодворье. Просто, честно и без обмана потребителя.

— А Лизавета Аполлоновна где?

— У себя, матушка, где ж ей ещё быть. С самого рассвета за книжками сидит, носа не кажет. Вчерась, правда, выходила в сени, у меня допытывалась, как вы дышите. Я сказала — плохо, без памяти лежите, так барышня строго наказала тотчас дать ей знать, ежели очнётесь.

Любопытный штришок. Значит, падчерица всё-таки мониторила моё состояние, вопреки брюзжанию папаши. Впрочем, обольщаться на этот счёт я не спешила: мало ли с каким интересом она ждала моего пробуждения? Может, просто соблюдала дворянский политес перед прислугой, а может, надеялась услышать, что молодая мачеха наконец-то освободила жилплощадь.

— Передай, что очнулась. И передай мою благодарность за беспокойство.

Палашка поклонилась и ушла вместе с истопницами. В

спальне наконец стало тепло, сухо затрещали дрова.

Я взяла костяной гребень и попыталась продрать спутанные после трёхдневного бреда космы. Зубья застряли намертво в первом же колтуне. Зашибись. Пришлось зажать прядь в кулаке и терпеливо, сантиметр за сантиметром вычёсывать снизу вверх, как в детдоме после дезинфекции. Монотонная механическая работа отлично помогала разложить по полочкам стартовый баланс.

Итак: Аграфена Дмитриевна Верейская. Дочь нищего ярославского дворянина. Сирота без гроша за душой. Аполлон считает, что облагодетельствовал нищенку, и ждет щенячьей преданности. Племянник Никодим дышит в затылок. Падчерица ждет подвоха.

Слишком мало данных для атаки. Но достаточно, чтобы понять главное: здесь тоже идет война. Просто без пистолетов. Война за ресурс, за влияние, за выживание. Моя родная стихия.

Ближе к вечеру, когда я уже успела немного подремать и в очередной раз выслушать Палашкины причитания по поводу своего чудесного выздоровления, в дверь осторожно постучали. Служанка, возившаяся у сундука, поспешила открыть, и я услышала негромкий девичий голос:

— Мне передали, что Аграфене Дмитриевне нынче полегчало. Дозволено ли будет проведать матушку?

— Дозволено, барышня Лизавета Аполлоновна, входите Христа ради! — зачастила Палашка, распахивая створку ши-

ре. — Матушка уж и морсу изволили выпить, и сидеть могут, токмо слабы ещё зело опосля огня…

Я приподнялась на подушках, с любопытством ожидая появления новообретённой падчерицы. Четырнадцать лет, книжки, тяжёлый характер, весь в покойную матушку. Ну давай, девочка, выходи на свет, посмотрим, какого монстра вырастил в своём болоте дедушка Аполлон.

На пороге появилась худенькая, высокая для своих четырнадцати лет девчонка. Строгое темно-коричневое платье с глухим белым воротником, темно-русые волосы затянуты в тугую гладкую косу. Никаких кружев, никаких девичьих рюшей. Черты лица тонкие, правильные, с острым упрямым подбородком.

Она замерла в трех шагах от кровати, сделала безупречный, выверенный до миллиметра книксен и подняла на меня серые, внимательные глаза.

— Добрый вечер, Аграфена Дмитриевна. Мне сказали, вы очнулись. Я пришла справиться о вашем здравии.

Голос ровный, прохладный. Ни соплей, ни заискивания, ни фальшивого сочувствия. Идеальный протокол. Девочка пришла исполнить светский долг перед ненавистной мачехой, которую папаша притащил в дом полгода назад.

Я сдержала усмешку.

— Благодарю, Лизавета Аполлоновна. Жива, как видите. Палашка передала, что вы справлялись обо мне. Это очень любезно.

Девочка едва заметно наклонила голову:

— Я рада, что Господь отвёл беду от нашего дома. Батюшка очень кручинился эти дни.

«Батюшка кручинился, а тебе было плевать», — мысленно перевела я.

— Он мне говорил, — ответила я мягко, но без приторной патоки. — Боюсь, наделала я вам всем хлопот со своей хворью.

— Вы были тяжело больны, сударыня, — отчеканила Лизавета. Спина прямая, руки сложены в замок на талии. Защитная стойка. Она не верила мне ни на грош и ждала подвоха.

Я с любопытством разглядывала своего нового оппонента. Никакой злобной истерички, о которой трепался старик, я не увидела. Обычный замкнутый, умный подросток, выстроивший глухую оборону против всего мира. В четырнадцать лет остаться без матери и получить в хозяйки девицу на четыре года старше себя — удовольствие сомнительное.

Ломать ее оборону прямо сейчас я не собиралась.

— Спасибо, что навестили, — сказала я, чуть прикрыв глаза от усталости. — Не стану вас задерживать. Вам, верно, не терпится вернуться к книгам?

В ее глазах на долю секунды мелькнуло удивление — она явно ждала нотаций, заигрываний или жалоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.